

вич, сын автора записок; Александр Анатольевич (автор записок); Любовь Александровна, дочь автора. Фото из архива Масыгиной Т.Е.

Мелютина Марина Николаевна

Кенозерский религиозно-культурный универсум

В современных процессах глобализации и унификации культуры неизбежно и остро обозначается проблема защиты этнокультурного наследия, религиозно-этическое средоточие которого обеспечивает возможность устойчивого развития культуры в трансформационном пространстве российского социума. Маргинализация и десакрализация мироустройства, уничтожение всеединства бытия представляют серьезную опасность для сохранения множественности «национальных образов мира» (Г.Д. Гачев), формируют профаническое общество потребления и разлагают «симфоническую» (Л.П. Карсавин) или соборную личность, утверждающую духовные основы и скрепы своего существования.

Поэтому одной из актуальных задач современного религиоведения является исследование религиозной феноменологии уникальных историко-культурных и природных территорий, хранящих священный духовный генофонд России, семиосфера которых насыщена мощной сакральной энергией, открывающей человеку видение иных миров. Русский Север – это «духовный континуум» (Ю.В. Линник) и одновременно дискретное пространство, разделенное на отдельные зоны, каждая из которых отмечена печатью «узнаваемого своеобычия» (Ю.В. Линник). Реликтовым локусом Европейского Севера является историко-культурный ареал – Кенозерье, маркированный границами Кенозерского национального парка.

Кенозерье – окраина этнокультурного ареала Обонежья, русско-карельское «пограничье». «Гений формы» (Н.А. Бердяев) создал в Кенозерье уникальное священное пространство с предельной концентрацией сакральных объектов – монастырей, часовен, поклонных крестов, «священных» роц и камней. Природные объекты или явления, пространственная структура поселений и угодий, устройство быта и хозяйства до настоящего времени одухотворяются, воплощаются в мифах и духовных традициях и наделяются сакрально-ценностным смыслом, определяющим функции и назначение соборной культуры локального общества. Соборность форм религиозного, социального и хозяйственно-экономического уклада, симфония дохристианских автохтонных воззрений с кругом православных праздников и обрядов способствовали формированию особого религиозно-

культурного универсума, который репрезентируется нами как *целостная многоуровневая семиосфера в пространственных и временных измерениях*.

Проблема священного универсума традиционного культурного ландшафта Кенозерья – локального ареала Европейского Севера, до сих пор не рассматривалась в контексте философско-религиоведческого знания. Концептуально-методологическим и категориально-терминологическим основанием данной проблемы являются труды классиков зарубежного религиоведения: П.Д. Шантепи де ла Соссе¹, Жерар ван дер Лейва², Р. Отто³, Ф. Хайлера⁴, М. Шелера⁵ Г. Меншинга⁶, В. Гантке⁷, Н. Зедерблома⁸, М. Элиаде⁹, Ю. Пентикайна¹⁰ и др.

Для цели работы, посвященной исследованию священного универсума Кенозерья, большое значение имеет концепция семиосферы, сформулированная Ю.М. Лотманом¹¹. Наполнение концепта семиосфера пространственно-ландшафтным смыслом, создающим многоуровневую семантическую сеть на земной поверхности, принадлежит О.А. Лавреновой¹². Идеи Ю.М. Лотмана и А.Я. Гуревича¹³, о том, что географическое пространство вместе с тем представляет собой и религиозно-мифологическое пространство, является для разработки данной проблематики одной из ключевых. В философско-культурологическом дискурсе «образ наследия» рассматривается в работах Гастона Башляра¹⁴, Мишеля Фуко¹⁵, В.А. Подороги¹⁶ и др.

---

¹ Шантепи де ла Соссе П. Иллюстрированная история религии: в 2-х т. М., 1992.

² Окончательное становление феноменологии религии обычно связывают с именем Г. ван дер Лейва и его работами «Введение в феноменологию религии» (1925) и «Феноменология религии» (1933). После их выхода в свет и вплоть до 50-х годов XX в. голландский теолог и религиовед был бесспорным лидером в области феноменологии религии.

³ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее Божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

⁴ Хайлер Ф. Религиозно-историческое значение Лютера / перевод, сост., общ.ред. и предисловие Винокурова В.В., Филиппова А.Ф. М., 1991.

⁵ Шелер М. Избранные произведения / перевод с немецкого А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова / под ред. А.В. Денежкина. М., 1994.

⁶ Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. М., 2006. С. 59-61.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Василенко Л.И. Введение в философию религии. М., 2009.

⁹ Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

¹⁰ Pentikainen Juha. The Values of Nature in the Mind of northern Man / Juha Pentikainen // Religion Global and Arctic Perspectives. Tromso: University of Tromso. 1996. P. 51-71.

¹¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

¹² Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М., 2010.

¹³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 62.

¹⁴ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. М., 2004.

¹⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

¹⁶ Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995.

Основоположником нового научного направления в области сравнительного религиоведения, этносемиотики, сакральной географии коренных народов Арктики и Субарктики является философ, этнокультуролог и археолог Н.М. Теребихин¹. Его исследования в области сакральной географии открыли целое научное направление в отечественном религиоведении. Религиозно-мифологическое пространство как предмет исследования входит в содержание проблемного поля междисциплинарного научного направления «культурная география» или «гуманитарная география», введенного географом и культурологом Д.Н. Замятиным².

В рамках феноменолого-культурологического подхода Д.Н. Замятиным разрабатывается проблематика моделирования географических образов. Предметная сфера «гуманитарной географии» включает такие направления исследования как сакральная география, имагинальная география, семиотика культурного ландшафта. Ключевыми для исследования религиозной феноменологии культурного ландшафта Кенозерья стали концепции: категории наследия (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова)³; территориально-культурных комплексов (Ю.В. Бромлей⁴, В.Л. Каганский⁵, Б.Б. Родоман⁶, В.Н. Калуцков)⁷; фольклора как способа отражения культурного ландшафта (Н.М. Ведерникова)⁸; монастырского ландшафта как типа культурного наследия (М.Е. Кулешова, В.П. Столяров)⁹; культурно-ландшафтного районирования (Ю.А. Веденин)¹⁰; информационной парадигмы культурного ландшафта (Ю.А. Веденин)¹¹. Особо необходимо выделить раз-

---

¹ Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

² Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

³ Культурный ландшафт как объект наследия // сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004.

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки истории этноса. М., 1988.

⁵ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 160-169.

⁶ Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск, 1999.

⁷ Калуцков В.Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004. С. 116-132.

⁸ Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000-2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004. С. 286-313.

⁹ Столяров В. П., Кулешова М.Е. Анализ практики управления особо ценной исторической территорией (Соловецкий архипелаг) // Наследие и современность. Вып. 3. М., 2004.

¹⁰ Веденин Ю.А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М.-СПб., 2004. С. 335-338.

¹¹ Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004. С. 68-81; Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997.

работку проблематики уникальных территорий на локальном материале Кенозерья в статьях М.Е. Кулешовой¹, Д.В. Тормосова, А.В. Козыкина².

Современным исследователем-религиоведом А.М. Лидовым³ в научный оборот введена концепция «иеротопия», в основу которой положено изучение деятельности человека по созданию рукотворной сакрально-пространственной среды для общения с высшим миром.

Диалогическое пространство встречи народных верований и канонического (церковного) православия раскрыто в монографии А.А. Панченко⁴. Феноменология религиозного уклада северных территорий России раскрывается в трудах историков и этнографов (М.М. Богословский⁵, Н.Ф. Яницкий⁶, К.А. Докучаев-Басков⁷, Т.А. Бернштам⁸, Т.Б. Щепанская⁹, Н.П. Лютикова¹⁰ и др.)

Особый интерес для целей исследования представляют изыскания в области архитектурного и иконописного наследия Кенозерья (Э.С. Смирнова¹¹, М.А. Реформатская¹², Т. М. Кольцова¹³, Л.М. Евсеева¹⁴, Т.Н. Нечаева¹, И.Ю. Спажева², И.Д. Соловь-

---

¹ Кулешова М.Е. Реликтовый крестьянский ландшафт Русского Севера // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004 С. 246-285.

² Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Козыкин А.В., Тормосов Д.В. Программа сохранения культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. и др. М-СПб., 2004. С. 532-549.

³ Лидов А.М. Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. Москва, 2008.

⁴ Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

⁵ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. Ч. 1-2. М., 1909-1912.

⁶ Яницкий Н.Ф. Севернорусская часовня в конце XVII века (по переписи 1692 года) // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев. 1914. С. 125-131.

⁷ Докучаев – Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь, Пахомьева пустыня // Христианское чтение. 1887. № 7 / 8. С. 254-298; № 9 / 10. С. 477-517.; Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Хергозерская, Макарьевская пустынь // Христианское чтение. 1890. № 11/12. С. 787-814; Докучаев -Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Наглимозерская – Артова пустыня //Христианское чтение. 1895. № 7/8. С 131-169; Докучаев – Басков К.В. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Челмогорский пустынный, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // Христианское чтение. 1889. № 3. С. 469-510.

⁸ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2007.

⁹ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

¹⁰ Лютикова Н.П. Часовни в жизни северного крестьянства (по архивным материалам) // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский» / отв. ред. И. Остаркова, Е. Шатковская. М., 2009. С. 52-60.

¹¹ Смирнова Э.С. Живопись Обонежья XIV-XVI веков. М., 1967.

¹²Реформатская М.А. Северные письма. М., 1968.

¹³ Кольцова Т.М. Небеса и иконы Кенозерья // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский» / отв. ред. И. Остаркова, Е. Шатковская. М., 2009. С. 74-79.

¹⁴ Евсеева Л.М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечении гуманитарных и естественных наук:

ева³, М.Н. Мелютина⁴, А.В. Ополовников⁵, Г.В. Алферова⁶, Ю.С. Ушаков⁷, И.Н. Шургин⁸, Е.Б. Заручевская⁹ и др.). Проблема самобытности этнокультурного ландшафта Кенозерья представлена в различных отраслях гуманитарного и естественнонаучного знания. Важное место в изучении источниковедения Кенозерья принадлежит Ю.М. Критскому¹⁰ и Н.А. Макарову¹¹. Расширяют данный список опубликованные результаты археологических изысканий в районе Кенозерья и сопредельных территорий (И.С. Поляков¹², М.Е. Фосс¹³, С.З. Чернов¹⁴, А.Я. Мартынов¹, С.В. Ошибкина², А.Г. Едовин³ и др.).

материалы 4 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 282-296.

¹ Нечаева Т.Н. Группа северных икон из Почозера // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечение гуманитарных и естественных наук: материалы 4 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 342-348.

² Спажева И.Ю.К вопросу об источниках иконографии некоторых кенозерских «небес» последней четверти XIX века // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечение гуманитарных и естественных наук: материалы 4 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 381-387.

³ Соловьева И. Д., О.В. Клюканова. Серебряный реликварный крест из Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: на пересечение гуманитарных и естественных наук: материалы 4 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. Архангельск, 2011. С. 357-363.

⁴ Мелютина М.Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: культовые комплексы церковных интерьеров (по письменным, литературным и изобразительным источникам) // Культурное и природное наследие Европейского Севера: материалы 3 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская, сост.: П.С. Журавлёв, М.Н. Мелютина [и др.]. Архангельск, 2008. С. 252-269; Мелютина М.Н. Иконы с образом Преподобного Кирилла Челмогорского как источник для изучения истории и культуры Кирилло-Челмогорской пустыни // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов / отв. ред. В.М. Пивоев. Петрозаводск, 2008. С. 228-239.

⁵ Дудина Т.А. Обзор материалов по Кенозерью в собрании музеев имени А.В. Шусева // Культурное и природное наследие Европейского Севера: материалы 3 Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская, сост.: П.С. Журавлёв, М.Н. Мелютина [и др.]. Архангельск, 2009. С. 169-178.

⁶ Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973.

⁷ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Пространственная организация. Композиционные приемы. Восприятие. Л., 1982.

⁸ Шургин И.Н. Часовни Кенозерья // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции / ред.-сост. Н. И. Решетников. М.-Каргополь, 1998. С. 117-120.

⁹ Заручевская Е.Б. Храмостроение Кенозерья и Лекшмозерья. Предисловие к «Своду памятников» // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский» / отв. ред. И. Остаркова, Е. Шатковская М., 2009. С. 82-87.

¹⁰ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования) / подг. текст. В. Н. Матонин. Архангельск, 2005.

¹¹ Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007.

¹² Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии / вст. ст., под. текста., прим. Е.М. Эпштейна. Петрозаводск, 1991.

¹³ Фосс М.Е. Неолитические культуры Севера Европейской части ССР // Сов. Археология. М.-Л. Т. 9. 1947. С. 29-46.

¹⁴ Чернов С.З. Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 38.

Начало научного историко-статистического описания кенозерской земли связано с деятельностью Императорского Русского Географического общества, в частности, с трудами антрополога и этнографа И.С. Полякова⁴. В работе автора впервые излагаются сведения о быте населения Кенозерья. Исследования этнографов и филологов XIX – первой четверти XX веков: П.Н. Рыбникова⁵, А.Ф. Гильфердинга⁶, Е.В. Барсова⁷, И.С. Шайжина⁸, Н.Н. и В.Н. Харузиных⁹, Б.М. и Ю.М. Соколовых¹⁰ значительно расширяют сведения о территории. Репрезентативный корпус источников для изучения «православной этнографии» (Т.А. Бернштам) представляют статьи в дореволюционных периодических изданиях общероссийского и регионального уровней: «Христианское чтение», «Олонецкая неделя», «Олонецкие епархиальные ведомости», «Олонецкие губернские ведомости». Будничный цикл жизни локального сообщества Кенозерья представлен в работах Г.М. Мелеховой¹¹, А.Н. Давыдова¹². Важное источниковедческое значение имеет фольклорное наследие Кенозерья, опубликованное исследователями: Ю.И. Смирновым¹³, Н.М. Ведерниковой¹⁴, А.Б. Морозом¹⁵, Н.В. Дранниковой¹.

---

¹ Мартынов А.Я. Археологическое изучение микрорайона Кенозерья // Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Архангельск. Т.3. 1982. Научный архив ФГУ НП «Кенозерский». КНП н/а № 173. С. 4-14.

² Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

³ Едовин А.Г. Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской науч. конференции / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ред.-сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2003. С. 65-82.

⁴ Поляков И.С. Кено и Кумбас-озеро // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1871. Т. VII, № 71. С. 349-350.

⁵ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3-х т. Т. 2. Былины / под ред. Б.Н. Путилова. Петрозаводск, 1990.

⁶ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е. Т. 1-3. М.-Л., 1949-1951.

⁷ Барсов Е.В. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. СПб., 1873.

⁸ Шайжин И.С. Олонецкий край (По данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 192 – 229.

⁹ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889.

¹⁰ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926-1928. М., 2007; Онежские былины / подбор былин и ред. текстов Ю.М. Соколова, В.И. Чичерова. М., 1948.

¹¹ Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 2. М., 1994.

¹² Давыдов А.Н. Этнографическая проблематика изучения Кенозерья // Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Архангельск. Т. 2. 1982. С. 1-131. Научный архив ФГУ НП «Кенозерский». КНП н/а № 173.

¹³ Сказки Кенского волочка / вступительная статья, подготовка текстов и примечаний Ю.И. Смирнова. Архангельск, 2004.

¹⁴ Кенозерские сказки, предания, былички / вступительная статья, составление, примечания Н.М. Ведерниковой. М., 2003.

¹⁵ Каргополье: фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз и др. М., 2009.

Источниковедческую основу изысканий составляет значительная группа неопубликованных архивных материалов, выявленных автором статьи в российских архивах. В исследовании использованы также оригинальные полевые этнографические материалы исследователей, собранные в процессе экспедиционной работы на территории Кенозерья². Исходя из анализа степени разработанности проблем феноменологии религиозно-культурного ландшафта локальных территорий в трудах зарубежных и отечественных ученых, мы предприняли попытку репрезентации религиозно-мифологической семиосферы традиционного культурного ландшафта.

Священный универсум Кенозерья имеет свою архитеконику, центральными ландшафтными символами которой являются природные стихии и рукотворные объекты. Ландшафтные сакралии – «деревенские святыни» (А.А. Панченко) – вода, земля, горы, пещеры, камни, деревья имеют символический смысл и моделируют сакрализованную среду обитания человека.

Один из важнейших элементов сакрального пространства Кенозерья – священные воды. Кенозерье является поистине водной ойкуменой, более трехсот водоемов – рек, озер, ручьев пронизывают его земную поверхность. Животворящая, очистительная, вещая сила вод Кенозера почиталась как подательница жизни и распорядительница человеческих судеб. Священные воды Кенозерья в мифологической и религиозной сфере соплагаются с ритуалом жертвоприношения, направленном на установление связи с духом-хранителем места или стихии. Мистические встречи локального сообщества с персонажами «кенозерского мифологического пантеона» (Н.В. Дранникова) – водяником и русалкой зафиксированы во многих поверьях, быличках и ритуальных практиках. Мотив не только встречи, но и контакта человека с сакральным предметом, является одним из важнейших в геопоэтике и мифогеографии Кенозерья. Вопрос о взаимоотношениях человека с персонажами низшей мифологии строились на основе универсального в традиционной культуре «языческого молебна», выраженного в обряде жертвоприношения (кормления воды хлебом, жертвоприношение водяному в ритуальной трапезе, названной «Бараньим воскресеньем» и др.). Эти отношения находятся в контексте архаичных мифологем «суда водной и огненной стихии», «сотворения и поглощения сотворенного».

---

¹Дранникова Н.В. Мифологический ландшафт Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: сб. научных статей. Архангельск, 2008. С. 125-131.

²Программа «Паспортизация деревень». Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

В ритуально-мифологической модели кенозерского мира священные воды соотносятся с образом острова, который является границей, разделяющей пространство на поюстороннее и потустороннее. Кенозерская островная топография – это сакральный центр «мира мертвых». Глубинные языческие корни погребальной практики кенозер сохранились в расположении кладбищ, визуально связанных с конкретной деревней, в наличии индивидуальной пристани поселения на «священном острове мертвых». Похоронной практике также присуща традиция верования в духа хозяина – «жирового».

Функционал персонажей мифологического пантеона связан с важнейшим действием – упорядочением хаоса водной стихии и наследованием памяти о мифическом предке – родоначальнике тотемного характера. «Нестрогая граница» (А.А. Панченко) между языческим и православным мирами, свойственная Кенозерью, позволяла замещать персонажи низшей мифологии христианскими святыми. Это с очевидностью прослеживается в современных ритуально-магических практиках кенозер, связанных с водной стихией.

Земля является материнским лоном всего живого — растений, животных, человека. Универсальными алломорфами, символами «Центра Мира» являются Мировая гора и Мировое Древо. Опираясь на труды феноменологов религии М. Элиаде, Ф. Хайлера, Г. Меншинга и других, отметим универсальность процессов сакрализации отдельных локусов и топосов земной поверхности, гор, деревьев как мест иерофании, встречи человеческого и божественного планов бытия. Кенозерский ареал представляет всхолмленную водно-ледниковую равнину с множеством озер и разнообразных ледниковых форм рельефа, что способствовало созданию здесь не только островов, но и высоких холмов на озерных системах. Согласно исследованиям ландшафтной топонимики, топоним Гора (Горка) является здесь широко распространенным. Расположение на возвышенностях христианских сакральных объектов (часовен, церквей, крестов), возможно, связано с инверсией семантики автохтонного чутского (финского) сакрального пространства. Монастырские обители территории также основаны на гористых или высоких береговых уступах. Анализ археологических данных подтверждает древность доместикации этих локусов.

К образу «Мирового Древа» восходят священные или заветные рощи, сохранившиеся на разных территориях Европы и России. По мнению исследователей, они являются трансформацией «священных» лесов с расположенными в них древними языческими капищами. Святые рощи – это важнейшая часть культовых

комплексов Кенозерья. Сопоставление мест расположения культовых роц с археологическими артефактами, подтверждает освоение человеком этих территорий уже в период неолита. Святые роци Кенозерья являются примером эволюции религиозных представлений, которая происходила путем наслаивания нового религиозного мировоззрения на предшествующее старое.

«Христианской перелицовкой» (А.Н. Веселовский) становятся возводимые на месте языческих святилищ малые храмы – часовни. Все сохранившиеся на территории Кенозерья святые роци соотносятся с расположенными рядом часовнями, которые являлись ритуальными площадками для совершения жертвоприношений. Цветные ленты, завязанные на стволах и сучьях деревьев в Кенозерье, извещали путника, что он находится в святой роце. Часовенные роци – это место вселенское, здесь проводились обряды, связанные с периодом летнего солнцеворота. Зафиксирована информация о ритуальных трапезах в святых роцах, посвященных православным угодникам. Концепт «святое» в соотношении со святой роцей конструируется в соответствии с системой «табу», построенной по мысли феноменологов Н. Зёдерблома, В. Вундта, М. Элиаде, К. Леви-Стросс на основе бинарных семантических оппозиций: «запретное/незапретное», «чистое/нечистое», «сакральное/профанное». Система «табу» имплицитно содержала категорию «святое», поэтому понятие «табу» и «святое» синонимичны. Устные повествования кенозер сохранили многочисленные свидетельства «кары за святотатство». Одной из разновидностей культового места являются «поминальные роци». Роци – некрокульти, расположенные на кладбищах, по мнению Т.А. Бернштам, появляются с целью «обретения духов – покровителей» универсального значения (посредством различного рода жертвоприношений, часто объединяемых с «предками»). Северорусский культ почитания священных роц и деревьев, священной горы и камней-жертвенников, являет собой органичное сочетание архаики с живым религиозным творчеством.

Священная топография «рукотворного» Кенозерья репрезентируется в рамках концепта «иеротопия образа» (А.М. Лидов). Архитектурные реалии священного пространства рассматриваются в контексте «пространственной иконы» (А.М. Лидов), в котором иконный образ не изображается в виде фигуративной композиции на плоскости, а представляется пространственно. Структура священного пространства Кенозерья, состоит из центра и периферии. В центре высшая ценность – Храм – символ Небесного Иерусалима на земле. Путь к Храму разворачивался в пространстве и воплощался в нескончаемой череде крестов,

стоящих на периферии – границе православной ойкумены. В ритуальной практике Кенозерья крест получил дополнительную народную этимологию и включился в состав сакральных атрибутов перевернутого антимира. У креста «ворожили»: гадали и заговаривали болезни. Кресты, поставленные на побережье священных вод, особенно у переправы или моста, в мифопоэтическом сознании кенозер связывались с водным рубежом мира мертвых и мира живых.

Маргинальной семантикой рубежа, границей «домашнего» (доместицированного) пространства наделен перекресток – «росстань». На росстани «прощали» и «прощались», встречали и расставались. «Росстань или «кресты» – место прощания с покойным (граница мира живых и мертвых). Здесь происходит разделение космоса и хаоса (бесовского антимира), концентрируются персонажи «инога мира».

Путь к Центру сакрального пространства разворачивается через образ Креста к семантически и функционально слиянному с ним и более сложному сакральному объекту – часовне. На территории Кенозерья отмечается высочайший уровень концентрации часовен. Т.А. Бернштам связывает происхождение часовенных общин с периодом христианского освоения северных территорий и «деконструкции» их инородческого и иноверческого космоса. Главным свойством кенозерской часовенной культуры является ее маргинальность. Рубежность прочитывается в контексте процесса христианизации, когда происходила замена духа-хозяина места христианским святым. Часовни «на росстани» возводили как «часовые», «стражи» определенной территории, хранившие прах умершего предка и определявшие границу его владений. Маргинальность часовенного мира нашла выражение в наиболее почитаемых обетных часовнях, связанных с кризисными ситуациями, когда наступал хаос и распадался привычный порядок вещей, а также в вопросе взаимоотношения церковных и часовенных приходов, выразившись в антитезе запрета – разрешения. С кризисными маргинальными ситуациями связана мотивация приношения «тканного завета», сопряженного с мифологемой пути-дороги и установления связи между Богом и человеком.

В религиозном дискурсе религиозно-антропологический образ часовенного старосты строится на архаическом отождествлении жреца, жертвы и божества-адресата.

Развертывание сакрального пространства завершалось возведением храма. Храмовоздательское творчество на Русском Севере, достигшее своих вершин в произведениях деревянного зодчества, уходило своими корнями в лесной мир финно-

угорских аборигенов Севера. Ритуально-мифологические практики выбора места для строительства храма, среди которых выделяется мифологема обретения иконы, а также мотив явления строителя храма, наполнены особым «инициатическим» даром и знанием.

Духовным ориентиром сакрального пространства Кенозерья наряду со священной триадой – крест, часовня, храм, служила «Северная Фиваида». Храмоименования кенозерских монастырей представлены фундаментальными образами Православия – Троицы, Преображения и Богородицы, что в целом характерно для монастырей Русского Севера. Сакральная топография монастырского ансамбля органично включена в структуру и семантику священного универсума Кенозерья как уникальной природно-культурной территории.

Священное время кенозерского универсума сопряжено с ритуалами, преданиями, народной агиографией локального сообщества Кенозерья. Священное время соотнесено с понятием мифологического «очеловеченного» времени (О.А. Лавренова), переживаемого людьми не по физическим параметрам, а по событиям, его заполняющим. Ритм священного времени, определяемого периодами религиозных праздников и связанных с ними ритуалов, обозначен нами «Великий Миротворный Круг Кенозерья». Мироустройство кенозерского сообщества, важнейшим компонентом которого является единение ритмов народного бытия с чередой часовенных праздников способствовало формированию уникального часовенного церковно-народного календаря–месяцеслова. Пантеон «кенозерских святых» представляет уникальное явление. Часовенный миротворный круг — «народный кенозерский месяцеслов» включает более 50 часовенных посвящений, которые от праздника «Рождества Христова» к «Ивану Купале» и от «Ивана Купала» до «Рождества Христова» органично образуют полный годичный праздничный круг. Доминирующими событиями «часовенного календаря» являются Богородичные праздники. Высокий священный статус в Кенозерье имели часовни, посвящения которых связаны со «скотскими богами» – св. вмч. Георгий Победоносец, св. вмч. Власий, свв. вмч. Флор и Лавр, преп. Макарий. События аграрного календаря маркированы Господскими праздниками и Николиными днями. Как покровители рыбного промысла в кенозерской водной ойкумене почитались апостолы Андрей Первозванный, Петр и Павел и др. Часовенный ономастикон является важным механизмом памяти культуры, запечатлевшим основные религиозные и этнокультурные измерения кенозерского ландшафта. Концентрация священного времени на «локусах-сгустках» праздничного календаря яв-

ляется примером гармоничного устройства народного бытия, основанного на Предании, христианской этике, экософии, заповедях предков. Освященный богами, «Часовенный календарь» не исчез и сегодня, давая уникальную возможность соприкоснуться с культурой, следы которой на многих других территориях практически утрачены.

«Великий Миротворный Круг Кенозерья» включает локальную агиографию и антропологию Кенозерского богомолья. Священные пути кенозер расходились по всему православному миру. Наряду с ближним кругом приходского и монастырского богомолья, паломническая практика по святым местам кенозерских «дорожников» включала и странствия к Святой Земле Палестины.

Монастырский ландшафт Кенозерья возможно отнести к категории ассоциативного ландшафта. Утраченные обитатели (за исключением Свято-Троицкого собора Макарьевского монастыря) обрели знаковость в связи с устойчивыми ассоциациями с определенными персоналиями святых, артефактами или фольклорными нарративами. Реконструкция образов сакральной атрибутики позволяет представить целостную систему композиций монастырских ансамблей Кенозерья.

Круговой вектор развертывания священного пространства определял Крестный ход, который выполнял важные коммуникативные функции организации системы ритуальных связей между отдельными локальными приходскими сообществами. Исчезновение паломнической практики в середине XX века привело к утрате, как духовных традиций, так и распаду социальных связей на территории Кенозерья.

Религиоведческий и философско-культурологический анализ семиосферы природно-культурного ландшафта Кенозерья имеет большое значение для разработки стратегии устойчивого развития северных территорий, опирающихся на базовые эталонные религиозно-культурные ценности, сохраняемые кенозерским преданием и заповеданием.

Полуэктон Антон Андреевич

Человек и общество в ритуальном пространстве народов Крайнего Севера

В празднике человек стремится избавиться от изначальной неполноты и несовершенства, преодолеть свою ущербность. Но, вместо взыскуемой силы и мощи, он обнаруживает зыбкость бы-